

с. 1-2.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

«Калхасъ» А. Н. Чехова.

Сдѣла съ особымъ интересомъ за все продолжающимся развитіемъ таланта молодого писателя, А. Н. Чехова, нашего соотечественника, епѣшникъ описать послѣднюю его вещь, вышедшую въ только что появившейся II книгѣ журнала «Артистъ». Она озаглавлена «Лебединая пѣсня» («Калхасъ»), драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи, занимающій всего три страницы.

Изъ провинціального театръ средней руки среди ночи, изъ уборной темноты сцену выходитъ со свѣчей въ рукахъ въ костюмѣ Калхаса грязный, измороженный, не проснувшійся еще отъ матернаго хмѣля, старый актеръ Свѣтловидовъ.

Одна онъ сидѣлъ заснулъ въ уборной, былъ забытъ и запертъ въ публичномъ театръ послѣ своего бенефиса. Онъ ослѣпляетъ театральную прислугу: «Егорка! Петрушка!» — «Камѣтитъ мимоходомъ, что быть можетъ эти мена не простое совпаденіе, а принадлежатъ къ таганрогскимъ воспоминаніямъ юности автора. Все знаютъ у насъ Егора и Петра, по театральному Жоржа и Петарку, этихъ ларовъ таганрогскаго театра). Никто не отзывается. Это наводитъ на стараго актера постепенно мрачныя мысли. Подкрѣпляется чувство раскаянія въ пылавой жизни: онъ вспоминаетъ что ему 58 лѣтъ, жизнь прожита... «Хочешь не хочешь, а роль мертведа

пора уже ринетировать. Смерть не за горами...» Оглядываясь, онъ вспоминаетъ, что 35 лѣтъ служива сценѣ, онъ въ первый разъ видѣть театръ ночью. Онъ ему кажется, черной бездонной ямой, могиллой, изъ которой вѣетъ смертельнымъ холодомъ. Ему становится жутко, онъ самъ себѣ мерзокъ въ этомъ шутовскомъ костюмѣ. «Ийду скорѣе одѣваться... Жутко! Вѣдь вѣтъ, ежели всю ночь здѣсь просидѣть, то со страху помереть можно...» На пути въ уборную встрѣчается ему изъ дальней конуры Никита Ивановичъ, суфлеръ, въ бѣломъ халатѣ. Свѣтловидовъ въ ужасѣ отъ этого видѣнія. Оказывается, что бѣдный суфлеръ здѣсь почувствъ въ уборныхъ — негдѣ болѣе, проситъ только не говорить антрепренеру! Свѣтловидовъ мало-по-малу расчувствывается и высказываетъ суфлеру, что у него на душѣ. Послѣ триумфа, 16 выводовъ, трехъ вѣтковъ, множества поднесенныхъ вещей, его, пьянаго старика, забыли и заперли въ публичномъ театръ, не свезли домой. Да и какой у него домъ? Не хочется онъ туда, тамъ онъ одинъ, никого у него нѣтъ, никакой родни, никто его не любитъ. «Публика васъ любитъ», утѣшаетъ его суфлеръ. «Публика ушла, забыла про своего шута... Ни кому я не нуженъ... ни жены у меня, ни дѣтей». Какъ взглянулъ онъ въ эту яму и все вспомнилъ. Яма эта отняла у него 35 лѣтъ жизни, и какой жизни! Онъ дворянинъ, хорошаго рода, служилъ въ артиллеріи, былъ молодецъ, красавецъ, честный, смѣ-

лый, горячій». Все вспомнилъ онъ. «Восторгъ молодости, вѣра, шма, любовь женщинъ! Женщины, Никитишки!» И онъ рассказываетъ ему, какъ полюбила его, за его талантъ одна дѣвушка красавица, какъ она согласилась пойти за него, но подъ условіемъ, чтобы онъ оставилъ сцену. «Она могла любить актера, но быть его женою — никогда!» Тогда открылись его глаза. «Понялъ я тогда, что никакого святаго искусства нѣтъ, что все бредъ и обманъ, что я рабъ, игрушка чужой праздности, шутъ, фигляр!» Понялъ я тогда публику!... «Ради тщеславія шутить знакомства со мной, но кто унизилъ себя до того, чтобы отдать мнѣ въ жены свою сестру, дочь...» «Прощай!» и тогда... дорого мнѣ стоило это прозрѣніе! Сталъ я послѣ той исторіи... послѣ дѣяньи этой... безъ толку шататься, жить зря... разыгрывалъ шутовъ, зубоскаловъ, паясничалъ, развращалъ умы, а вѣдь какой художникъ былъ, какой талантъ! Зарылъ я талантъ, опошлилъ и наломалъ свой языкъ, потерялъ образъ и подобіе... Сожрала, проглотила меня эта черная яма! Не чувствовалъ раньше, но сегодня... когда проснулся, поглядѣлъ назадъ, а я мной 58 лѣтъ! Только сейчасъ увидѣлъ старость! Спѣта пѣсня! рыдаетъ старикъ, спѣта пѣсня! «А вѣдь какой талантъ, какал сила!» и Свѣтловидовъ начинаетъ декламировать сначала монологъ изъ «Годунова», потомъ изъ «Лира», Никита Ивановичъ подаетъ ему слова шута. Далѣе въ сценѣ съ флейтицами изъ Гамлета Свѣтловидовъ

увлекается, приходитъ въ восторгъ, ни какой старости больше не чувствуетъ, а чувствуетъ прежнюю силу таланта. «Гдѣ искусство, гдѣ талантъ, тамъ нѣтъ ни старости, ни одиночества, ни болѣзней, восклицаетъ онъ и сама смерть въ полувипу...!» Но это — мгновенная вспышка, послѣ которой вступаетъ вновь упадокъ и сознаніе, что онъ пережилъ себя и едва годится теперь только въ шута Фортипбраса... да и для этого уже старъ». Уходитъ онъ съ суфлеромъ, произнося монологъ Отелло, заманивающійся «Все, все прости! Свершился путь Отелло».

Эта маленькая вещь полна трагизма. Судьба актеровъ, оперныхъ, пѣвцовъ, музыкантовъ-исполнителей представляетъ много сходства и весьма неблагоприятна. Въ искусствахъ пластическихъ твореніе художника, какимъ онъ его лично создалъ, остается разъ на всегда готовымъ къ непосредственному воздѣйствію на зрителя. Мы видимъ развалины Афинскаго акрополя или Кельнскій соборъ, статуи Праксителя и Микель-Анджело картины Рафаэля, Мурильо, Рембрандта и получаемъ непосредственное отъ нихъ впечатлѣніе; мы такъ сказать вступаемъ въ прямое общеніе съ художникомъ.

Въ области же рѣчи для воспріятія художественнаго впечатлѣнія требуется уже каждый разъ воспроизведеніе, и въ этомъ то воспроизведеніи есть нѣкоторое мѣсто для посторонняго вліянія. Отъ декламации поэтическаго произведенія зависить дать ту или другую окраску

попыт, привести в нее нечто субъективное. Слово при простом чтении лишено интонации, мимики, жестов, то есть элементов существенных для выразительности. Оно относится к декламации как гравюра к масляной картине, как фортепиано к оркестру. Ораторское искусство есть слывущий паш в этом направлении. Читает реч, или слышит ее в устах талантливого оратора — огромная разница. Что же касается произведений драматических, то для их восприятия необходимо не простое воспроизведение, но интерпретация, истолкование; равнй с произведениями музыкальными. Разница в том, что Гомер, Данте, Пушкин, Гоголь доступны каждому знающему их язык и умьющему читать на нем, конечно при известном объеме развития; тогда как Софокл, Шекспир, Мольер и музыкальные драматурги Глюк, Моцарт, Вебер, Вагнер, Глинка, равно как и вся вообще музыка доступны впечатлительным лишь в истолковании других, специальных художников-актеров и музыкантов-виртуозов, одаренных талантом и обладающих серьезной технической подготовкой.

Если в пластик и живописи мысль художника, воплощенная им в здание, статуи, картину остается всегда на виду готовая произвести известное впечатление, то в области слова и звуков творение лежит как бы в скрытом состоянии. Слышать его доступным чувствам возможно только тогда, когда оно будет вызвано к жизни, воспро-

изведено вновь каждый раз. Специально же поэзия драматическая и вся область музыки требуют в этом участия другого художника обладающего талантом и знанием, который бы проявил его, подобно тому, как фотограф с пластины, на которой почти ничего не видно, делает вполне ясный оттиск. Без участия такого истолкователя произведений эти для человечества почти не существуют. Участие их настолько существенно, что посредственное произведение в них прежде всего вырастает в нечто большое, точно так как наоборот гениальное произведение в плохом исполнении падает до степени заурядного. Это особенно ясно на сцене, где от актера зависит создать ту или другую личность, «создать роль», как даже принято говорить; тогда как казалось бы к тому, что создал автор драмы прибавить что либо едва ли возможно. В этом заключается высокое значение актера и этим объясняется, как талантливый актер играя роль, в которой не может прибавить от себя ни единого слова, держать в напряженном состоянии тысячи зрителей, приводит их в восторг, в ужас, доводит до слез и до хохота. В этом же влиянии, которое актер может иметь на изменение настроения массы людей, заключается причина страстной его любви к сцене. Человеку сладко обладание могуществом, особенно в нравственной области.

Актер, как и оратор, щедро вознаграждается успехом, который оказывается немедленно, с увлече-

тельною силой. В наше время, при наших условиях жизни, кому выпадают наибольшие триумфы, как не артистам на театральных и концертных подмостках? И мудро ли, что эти триумфы, эти овации, это бешеное, этот фанатизм как выражаются мятко итальянцы, вкружают им головы? Но роковым образом, насколько сильны эти проявления, настолько же и непродолжительны. Мало ли великих артистов пережили свою славу, как устаревшая красавица свою красоту? Мало ли их в самую цветущую эпоху свою чувствовали то, что Свѣтловидовъ, то есть, что эта самая публика, неистово приветствовавшая их, бешено вылившая без конца, поднесившая вѣнки, подарки расходившая из театра и остывала в своем пылу, покидал своего мимолетного идоло в странном нравственном упадке, являющемся неизбежно реакцией послѣ чрезмерного напряжения; в таких случаях публика точно выказывает черную неблагодарность. За те порывы чувства, те восторги, то наслаждение, которые доставляет ей артист, она к нему лично остается вполне безучастна. Ей дорог не он, а то действие, которое он производит. Он для публики играет роль какого то фонографа, имьющаго целью воспроизвести известную реч, мелодию. Достигнута цель — инструмент откладывается в сторону. А каково то самому инструменту, когда в нем сидит душа человеческая? И когда он сознает что в успехе, в действии на публику львиная доля должна принадле-

жать ему, а не автору драмы, которую от него зависело погубить или вознеличить?

Вот эти-то чувства, испытываемые этими живыми инструментами, и высказывает Свѣтловидовъ, высказывает их с естественностью, искренностью, ревностью, глубиной и силой, неоспоримо свойственным таланту А. И. Чехова. К этим мыслям и чувствам, общим актерамъ всѣхъ стран и временъ, примѣшивается еще специально-русская черта. На запад театральное искусство несравненно старше, чѣм у насъ. Тамъ театр берет свое начало из народной комедии и быть может передается непрерывнымъ преданіямъ от древняго мира, где ремесло актера, гистриона, считалось позорнымъ. Къ намъ театральное искусство перенло с запада, и какъ все пришлое, не имѣетъ такихъ глубокихъ корней, какъ на своей родной почвѣ. Перенло къ намъ и прервѣніе къ актерамъ, во далеко не в той степени. Если на западъ рѣдчайшее исключение, чтобы на сцену попадали дѣти изъ хорошей семьи, и обыкновенно контингентъ артистовъ доставляютъ мелкіе провинціальныя театры, получающіе ихъ въ свою очередь нѣрѣдко съ арматорныхъ подмостковъ; то у насъ Свѣтловидовъ, то есть люди хорошей фамилии, благообразные, образованные, съ хорошими средствами и положеніемъ, силою да рядомъ идутъ на сцену, которой отдають все состояніе, всю будущность, и посвящаютъ всю жизнь.

Видите—Свѣтловидовъ даже отъказывается отъ счастья соединиться

съ страстно-любимой дѣвушкой; между нею и сценой его выборъ падаетъ на послѣднюю. А между тѣмъ такой-ли талантъ былъ у Свѣтловидова, чтобы стоило ему всѣмъ пожертвовать? пробился-ли онъ покрайней мѣрѣ на сѣтѣ, и достигъ ли большой известности, славы? Нѣтъ. Онъ 35 лѣтъ служилъ на провинціальной сценѣ и на ней умеръ. Съ высоты Гамлета и Короля Лира онъ палъ до Калхаса, въ минуты просвѣтлѣнія ума онъ себѣ мерзокъ въ своемъ нѣпствѣ, въ гризи, въ которой утопаетъ. Онъ даже клеветаетъ на свое любимое искусство, не признавая въ немъ никакой свитости, онъ такъ характеризуетъ свою дѣятельность: «раздирывалъ шутовъ, зубоскаловъ, паясничалъ, развращалъ умы», «закрылъ талантъ, опомилъ и изломалъ свой языкъ, потерялъ образъ и подобіе...» «Сожрала, проглотила меня эта черная яма!» вотъ какъ объясняетъ онъ свое ужасное паденіе.

И такъ эта черная яма требуетъ жертвъ, и получаетъ ихъ изобильно. Сами онъ лѣзутъ въ нее. Какая тому причина? Откуда это у насъ, где театръ вовсе не учрежденіе народное, не составляетъ потребности массы, какъ въ остальной Европѣ; откуда, спрашивается у насъ такая любовь къ сценическому искусству, что нѣтъ города и городишка, где не было-бы драматическаго общества, а въ немъ множества любителей, безжалостно и беззаданно «ломающихъ комедь», по народному выраженію? Дѣлають это очевидно для собственнаго удовольствія, потому что зритель кромѣ скуки и досады ничего отъ этихъ лицедѣйствъ не-

выносить. Эту любовь къ сценѣ нельзя иначе объяснить, какъ привлекательностью для весьма многихъ театральныхъ правовъ, гдѣ царитъ всесторонняя свобода, упреждение принятыхъ въ обществѣ отношеній, гдѣ эти мелочи отбрасываются, какъ пустяки подробности, могущія только мѣшать достиженію «высокой цѣли» искусства, о «вопитательномъ значеніи» котораго можете прочесть въ любомъ захластномъ органѣ печати полуграмотнаго раба, вышедша изъ модъ пера гимназиста 4-го класса. Замѣчательно, что вначалѣ сезона антрепренеры обыкновенно сулятъ и гороскопикъ думаютъ и публикѣ серьезные драматическіе репертуары; но в самомъ скоромъ времени все сводится на Калхаса и хуже того. Буллы—это запрещенный плодъ сего proverbiallyю сладостью. Быть можетъ такая любовь русскаго общества къ театальному быту, такъ сказать, объясняется этой бродячей, свободной отъ всякихъ узъ, отъ усидчиваго труда и полной случайностей, приключеній—беззаботной жизнью, которая отвѣчаетъ кочевымъ наклонностямъ русскаго человека, доселѣ коренившимся въ глубинѣ его души на какой-бы ступени развитія онъ ни находился.

Вопросъ о черной ямѣ меня несколько удалялъ отъ произведений Чехова; но это немудрено. Авторъ умѣетъ и въ самыхъ небольшихъ своихъ произведеніяхъ затронуть тѣ или стороны нашей жизни, которыя корни развѣтлены глубоко и далеко.

А. Писемск.